

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕВЕТИ

РУСИФИКАЦИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ БОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В XIX ВЕКЕ: АРХЕОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

Олег Дёмин

Переживаемый в настоящее время процесс украинизации болгарами Украины или же молдовизации болгарами Республики Молдова имеет много общего с аналогичными явлениями в прошлом. Сложные проблемы общественного развития болгарского населения Северного Причерноморья в конце XX ст. делают особенно сегодня актуальным рассмотрение вопросов русификаторской политики российского царизма в XIX ст.

В данном сообщении в постановочном плане рассмотрены вопросы национальной политики Санкт-Петербурга в отношении болгарского населения Северного Причерноморья. Причем, затронуты лишь некоторые вопросы ее реализации в сфере образования, ибо проблему необходимо рассматривать на широком фактическом материале с использованием современных методик.

На сегодня существует значительная литература не только по проблеме национализма вообще, но и по вопросу русского национализма и русификаторской политики царизма. Все же единого подхода к определению подобных явлений еще не выработано. Большинство исследователей обращает внимание на то, что оба эти понятия используются для обозначения целой группы разнородных взглядов и реальной действительности. Так, Э. Таден выделил спонтанную русификацию элит, «административную русификацию» как часть политики абсолютистской административной централизации второй половины XVIII в., и наконец, насильственную русификацию (стремление насадить русский язык и православие) в XIX и начале XX в.¹ В другой работе более раннего периода он же писал о русском «консервативном», «романтическом» и «бюрократическом» национализме.²

В тоже время один из известных специалистов в области национальной политики А. Каппелер определял главные разновидности русского наци-

онализма как: «реакционно-антисемитский», «консервативно-православный» и «либерально-конституционный».³ Такой разнотой в оценке русификации действительно говорит об отсутствии ясности в оценке сущности самого явления.

Не менее важно отметить и такую историографическую тенденцию, как сравнение процессов формирования наций и соответственно национализма. В историографии в основном преобладало мнение о принципиальном различии процессов формирования наций на Востоке и Западе Европы. Однако в 90-е гг. XX в. положение изменилось. Ситуацию в России все чаще стали сравнивать с развитием подобных явлений в Англии, Франции, Испании и других европейских странах. Об этом писали А. Каппелер, С. Величенко, Р. Шпорлюк, А. Миллер, Д. Лейтин и другие. Существовавшие прежде оценки Д. Лейтина охарактеризовал как «синдром ориентальной исключительности».

А. Миллер, современный российский исследователь, обратил в связи с этим внимание и на то, что уже в XIX в. включённость Российской империи в общеевропейские процессы была ясна современникам. Так, он указал на статью М. Драгоманова, появившуюся в 1881 г. «Чудацькі думки про українську національну справу». Между прочим, он перевел это название не совсем точно — «Размышления чудака об украинском национальном вопросе», хотя перевод должен был скорее звучать как «Странные мысли об украинском национальном деле». Важно другое: М. Драгоманов указал на наличие систем, подобных русификации, в ведущих европейских странах, причем, находивших выражение в еще более грубых формах, скажем, во Франции и Англии, чем в России. Подобные аналогии были присущи и И. Рудницкому, еще одному украинскому исследователю.⁴

Соглашаясь со всем вышесказанным, все же следует подчеркнуть, что ситуация в Российской империи, учитывая ее действительно не только многонациональный, но и поликонфессиональный и даже полирассовый, имея ввиду малые расы, характер, была все же несколько отличной от западноевропейской и центральноевропейской.

Поэтому не удивительно, что А. Каппелер, говоря о неясности самой концепции русской нации, предлагал различные варианты ее составляющих:

- первый вариант — в нее входят все подданные империи;
- второй вариант — входят только православные русские, т. е. великороссы;
- третий вариант — в нее включены все восточные славяне, в соответствии с традиционным пониманием термина Русь;
- четвертый вариант — включены только члены привилегированных сословий (в соответствии с предмодерной концепцией нации).

Развивая эти идеи, А. Миллер говорил о двух крайних концепциях русификации: российском империализме и великорусском национализме, между которыми помещался целый ряд других возможных позиций. Логика пер-

вого подхода предполагала, что школы по всей империи должны быть инструментом русификации и все обучение должно вестись на русском, при втором подходе — русский язык в школе должен стать лишь одним из предметов преподавания в нерусских окраинах, не предполагая тотальность вытеснения из школы местных языков.⁵

Можно высказать предположение, что в общественном мнении Российской империи и в ее политике присутствовало все же несколько подходов или уровней национализма и русификации. Как представляется, ядром этой политики были представления о формировании «большой русской нации», в которую входили бы русские, украинцы и белорусы, или по тогдашней терминологии — великороссы, малороссы, белоруссы. Для национальных окраин предполагалось применение других вариантов сближения с русской нацией.

Свою специфику имела и национальная политика царизма в отношении народов, иммигрировавших в пределы Российской империи и, в основном, имевших статус колонистов. В империи проживало значительное число колонистов, отличавшихся различной степенью самоуправления и свобод. Одной из наиболее многочисленных групп колонистов были болгары, в основном проживавшие компактной массой в Северном Причерноморье. Характер проводившейся в отношении них политики может быть определен после выяснения механизма русификаторских действий власти. С этой целью используем существующее в историографии понятие «археология истории» и рассмотрим политику Санкт-Петербурга под углом зрения археологических методик исследования объекта.

В результате анализа исторического явления (в нашем случае это русификаторская политика) в нем может быть выделено несколько последовательных слоев, которые отличались друг от друга степенью выбора властных действий, уровнем принятия и реализации решений, показателем сопротивления проводимой политике. Верхний слой представлен высшими эшелонами власти, включая императора и его правительство. Они принимали законы и формировали общее направление реализации политического курса, его контуры и пространство.

Первый средний слой — органы власти на местах. От них зависели темпы и масштабы претворения в жизнь правительственной политики. Этот слой включал, в первую очередь, Попечительный комитет в Одессе, органы системы образования и земские учреждения на местах. Второй средний слой представляли общеобразовательные учреждения — школы или, как тогда их называли, «училища». Фактически, они представляли основной инструмент правительственной политики. И, наконец, низший слой изучаемого явления включал все болгарское население Северного Причерноморья — юга Российской империи.

В действиях высшего эшелона власти можно выделить два этапа формирования русификаторской политики в течении XIX ст. Первый — охваты-

вал время до реформ 60–70-х годов. Второй начался с введения положений реформ в жизнь. На первом этапе власть действовала в соответствии с официальной доктриной российской народности. В русле его Министерство государственных имуществ во главе с графом П. Д. Кисилевым стало требовать открытия в селах болгарского водворения школ.

На втором этапе политика императорского правительства вписывалась в ныне широко используемую для объяснения русификаторских действий царизма того времени «модернизационную» теорию. То есть, политика стала следствием перехода империи к индустриальной модернизации и поэтому русификация была результатом воздействия внешнего фактора. Началось постепенное изменение типа общества. Говоря о подобных явлениях на украинских землях, Г. В. Касьянов подчеркивал, что проводимая сверху модернизация провоцировала кризис традиционных ценностей, усиливала ассимиляционные процессы в пределах всей империи, вела к отчуждению сельской культуры от городской.⁶ Это влияние проявлялось и в устранении сословных перегородок, введении равенства подданных, но одновременно и в ликвидации привилегий, в том числе, привилегий колониистского состояния. Особенно значимой была отмена в 1871 г. освобождения от воинской повинности и передача в 1877 г. всех школ в ведение Министерства народного просвещения, как и ряд предшествовавших действий власти в области просвещения. Однако все эти действия относились в целом ко всем бывшим колониистам и не делали какого-либо специального акцента на болгарских переселенцах.

И вместе с тем, определенные исключения из общероссийской практики высшие органы власти Российской империи были вынуждены делать именно под влиянием внешнего фактора и делать конкретно в отношении болгар. В 1869 г. в Комрате было открыто Бессарабско-болгарское центральное училище, в котором как отдельный предмет был введен болгарский язык.⁷ Однако такое отступление от предшествующих ограничительных мер произошло после того, как с 1858 г. в Болграде румынские власти допустили функционирование Центрального училища, в котором читался ряд предметов на болгарском языке, а ряд — румынском языке. Но вопреки учредительному документу, вначале все предметы преподавались на болгарском языке. Однако, уже буквально с 1860 г. румынские власти начали борьбу против болгарского характера училища, что в конце концов привело к установлению в нем билингвизма.⁸ В целом же, политика Бухареста заключалась в распространении румынского образования, и училища в болгарских селах Южной Бессарабии вынуждены были работать по программам румынского Министерства просвещения.⁹ Фактически в сфере образования румынизация существенно не отличалась по методам реализации от русификации.

В ответ на политику Румынии, российское правительство также, хотя и с большой задержкой, было вынуждено пойти навстречу требованиям бол-

гар и не только основать училище в Комрате, но и разрешить в нем преподавание болгарского языка.

Впрочем, отступление от основного курса политики оказалось кратковременным. Когда после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. придунайская часть Бессарабии была возвращена России, отношение царского правительства к болгарскому образованию изменилось. Уже в 1879 г. Министерство просвещения Российской империи постановило обеспечить переход училища в Болграде на программу русской классической гимназии, начиная с 1880–81 учебного года. Делалось одно незначительное отступление: на болгарском языке могли вестись болгарская история, язык и литература, но как необязательные предметы. Попытка болгарской интеллигенции сохранить болгарский характер гимназии в середине 80-х гг. была окончательно пресечена правительственными решениями.¹⁰

Второй слой — местные власти, характеризовался наличием охранительных тенденций, часто идущих в разрез с политикой верхов. Известно, что после распоряжений П. Д. Киселева в Буджаке в 1844 г. насчитывалось 90 училищ. Но к концу 40-х гг. того же века их осталось около 30. Это произошло по версии местных властей во многом из-за отсутствия «способных наставников». Но не только. Управляющий переселенцами Арендаренко открыто заявлял, что для детей крестьян «воспитание бесполезно и вредно».¹¹ В 1851 г. в г. Болграде было создано училищное настоятельство, которое настойчиво добивалось от российских властей открытия в городе болгарского училища.¹² В таких запретных действиях наглядно для болгарского населения проявлялся характер русификаторской политики в сфере образования.

В 60-е гг. председатель Попечительного комитета прямо говорил колонистам: «Мне не нужны болгары, развивающиеся в духе славянских преданий, мне нужны мужики». Поэтому неудивительно, что просьбы болгар об открытии училищ, изданиях газеты на родном языке не удовлетворялись Попечительским комитетом.¹³

В школах Буджака преподавание велось на русском языке, хотя известно, что некоторые учителя обучали детей на болгарском языке. В школах использовались болгарские учебники и вообще книги на болгарском языке. Так, в 1865 г. учитель из Комрата, автор учебников и сборников П. Калянджи отправил в школу с. Кирютня около 80 книг, в том числе и на болгарском языке.¹⁴

Несколько другая ситуация сложилась в болгарских школах Приазовья, которые начали функционировать уже буквально в первую зиму после переселения, то есть в 1861/1862 гг. До 1874 г. преобладали общественные школы, которые содержались на средства самих болгар. С середины 70-х гг. они в основном были заменены земскими училищами. Но вне зависимости от типа учебного заведения везде обучение проводилось исключительно на русском языке. Более того, болгарский язык вообще был исключен из учеб-

ного процесса. В таких условиях начальное образование превращалось в один из факторов ускорения ассимиляции.¹⁵ Но в целом, уровень письменности приазовских болгар был выше, чем в среднем в болгарской диаспоре на юге Украины. Был он выше и в сравнении со средним показателем письменности населения приазовского региона.¹⁶

Аналогичная картина наблюдалась и в школах болгарского населения Крыма. Первая школа здесь открылась в 1841 г. в с. Старый Крым. Кроме начальных народных училищ существовали и церковно-приходские училища, где образовательный уровень считался несколько выше, чем в народных. Но в обоих случаях преподавание велось на русском языке и учителя, в основном, были русские.¹⁷

Нижний слой русификаторской политики — болгарское население. Оно сохраняло высокую степень противодействия правительственным действиям. Особенно это наглядно проявлялось в школе, основном и постоянно действующем центре, где реализовывалась русификаторская политика. Так, в конце 80-х гг. учителя Кишлавского и Старокрымского училищ Крыма часто жаловались, что дети во время уроков и перемен говорят между собой только на болгарском.¹⁸ И хотя болгарский язык не входил в программу обучения, ученики имели возможность читать литературу на болгарском языке. Это предполагает, что они в той или иной мере имели возможность изучить болгарскую грамоту. Иначе, зачем тогда, как свидетельствует современный исследователь И. Носкова, одесский купец Дмитрий Кокотанов в 1844 г. «пожертвовал в пользу юношества» два экземпляра периодического издания на болгарском языке «Любословие», а также «Новый свет», «Катехизис» и «Велизарий» в переводе Васила Априлова. И позже, с 1859 г. Попечительный комитет выписывал специально для Старокрымского училища журнал «Болгарские книжици», который издавался в Одессе Болгарским настоятельством.¹⁹ Конечно, следует учитывать, что учащиеся изучали Закон Божий, а церковно-славянский язык очень близок к староболгарскому и это позволяло болгарской молодежи читать болгарскую литературу.

Результаты просвещения были невелики, ибо, несмотря на постоянное влияние русификаторской политики в системе образования, лица, проверяющие деятельность народных училищ Таврической губернии, отмечая определенные успехи учеников в болгарских селениях, вынужденно делали оговорку «принимая во внимание ... незнание русского языка».²⁰

Условия существования болгарского этноса в Северном Причерноморье позволяли им противостоять ассимиляционным процессам. Прежде всего, болгары, получив колониистские привилегии, сохранили компактность расселения. К тому же, соседство с немецкими колонистами и молдавскими селами способствовало языковому изоляционизму. Кроме того, в конце XIX в. лишь незначительная часть болгар проживала в городах, в отрыве от основного этнического массива. Занятие сельскохозяйственным производством,

возможность самообеспечения крестьянским трудом вели к консервации традиционного образа хозяйствования и препятствовали переселению в города.

Свою роль в сохранении этнических традиций и сопротивления русификации играли и определенные общественные явления в среде болгарского населения Северного Причерноморья. В 30–50-е гг. XIX в. продолжала сохраняться тесная духовная связь переселенцев с болгарской церковью. Значительные масштабы приобрело паломничество колонистов в болгарские монастыри Афонской Горы. Так, с октября 1851 г. по апрель 1852 г. в Попечительный комитет о колонистах южного края России обратилось 43 болгарина за паспортами для поездки на Афон.²¹ Но вероятно большее значение имело наличие в крестьянской массе выходцев из-за Дуная национальной идеи. Во втором десятилетии XIX в. она материализовалась в особом административном устройстве в Бессарабии. В 60-е гг. уже выдвигалось требование не только защитить дарованное автономное устройство, но и болгаризировать его или даже образовать на всем молдавском южно-бессарабском участке новое государство, в котором бы доминировал болгарский этнический компонент.²²

В конечном итоге, во многом из-за неприятия действий царизма болгарским населением, то есть в нижнем слое русификаторской политики, она так и не достигла в XIX в. своей цели. Ведь даже через столетие, в 1989 г. после румынизации и советской русификации, 81,7 % болгарского населения Одесской области считали своим родным языком болгарский язык.²³

Анализ русификаторской политики царизма с точки зрения археологии показывает значительную дистанцию между верхним ее слоем, основными правительственными указами и положениями и нижним слоем, то есть результатами их реализации. Применительно к болгарам эта политика в Российской империи занимала промежуточное место между отношением царизма к украинцам, с одной стороны, и отношением к немецким колонистам, с другой стороны.

Важным следствием этой политики было формирование болгарского национализма в среде болгар Северного Причерноморья. Его появление относится к концу XIX — началу XX ст. Но это уже другой вопрос, который требует специального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Russification in the Baltik Provinces and Finland (Ed. by E. C. Thaden. — Princeton, N. Y., 1981. — P. 8 — 9.

² Thaden E. C. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. — Seattle, 1964.

- ³. Kappeler A. Einleitung // Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart. — Köln, 1990. — S. 9.
- ⁴. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русской общественной мысли (вторая половина XIX в.). — СПб., 2000. — С. 29.
- ⁵. Там же. — С. 34-35.
- ⁶. Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. — К., 1999. — С. 309.
- ⁷. Поглубко К., Забунов И. Обновленная Твардица. — Кишинев, 1980. — С. 27.
- ⁸. Челак Е. И. Болгарское центральное училище в системе румынского просвещения в 60 — 70-е годы XIX в. (к вопросу о билингвизме в учебном заведении) // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби. — Одеса, 1999. — С. 52 — 59.
- ⁹. Трайков В., Жечев Н. Българската емиграция в Румъния XIV век — 1878 година и участието ѝ в стопанския, обществено-политическия и культурния живот на румънския народ. — София, 1986. — С. 296.
- ¹⁰. Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. — София, 1993. — С. 85-86; Караиванов Н. Събития и герои от родната ни история. — Кн. 2. — Одеса, 2005. — С. 47-50.
- ¹¹. Поглубко К., Забунов И. Указ. соч. — С. 19.
- ¹². Червенков Н. Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-х — 60-е гг. XIX в. — Кишинев, 1982. — С. 35.
- ¹³. Поглубко К., Забунов И. Указ. соч. — С. 26.
- ¹⁴. Новаков С. З., Червенков Н. Н. Прошлое и настоящее села Кирютня. — Кишинев, 1980. — С. 11.
- ¹⁵. Пачев С. І. Освіта та рівень письменності приазовських болгар у другій половині XIX — на початку XX ст. // Българска Бесарабия. — Вип. 2. — Болград, 2003. — С. 114-116.
- ¹⁶. Там же. — С. 121.
- ¹⁷. Носкова И. Крымские болгары в XIX–начале XX в.: история и культура. — Симферополь, 2002. — С. 86-87.
- ¹⁸. Там же. — С. 83.
- ¹⁹. Там же. — С. 79-80.
- ²⁰. Там же. — С. 85.
- ²¹. Самойлов Ф. А. Участие болгар юга Украины в болгарском национальном Возрождении во второй четверти XIX в. // Наша школа. — Одесса, 1999. — № 2-3. — С. 190.
- ²². Грек И. Ф. Общественно-политическое движение болгар метрополии и Юга России в эпоху болгарского Возрождения (общее и особенное) // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби. — Одеса, 1999. — С. 155-156.
- ²³. Наумко В. І. Сучасні етнічні процеси серед болгарської діаспори Південної України // Наша школа. — Одеса, 1999. — № 2-3. — С. 176.